

Петр Рябов

**Философия постклассического
российского анархизма
— terra incognita**

К постановке проблемы

2009

Одним из значительнейших явлений в российской культуре, философии, общественной мысли, ставших достоянием всего человечества, является классический анархизм XIX века. Имена великих мыслителей-анархистов Михаила Александровича Бакунина, Петра Алексеевича Кропоткина, Льва Николаевича Толстого известны образованным людям во всём мире. Поставленные ими с огромной силой вопросы о свободе личности и отчуждении человека, о бесчеловечности государственной власти и иных форм насилия, о преодолении эксплуатации и социального неравенства, о кризисе буржуазно-индустриально-элитарной цивилизации и о либертарном (безвластническом) обществе остаются актуальными и сегодня. По мнению многих исследователей, именно философия анархизма является наиболее своеобразным, оригинальным и существенным вкладом России в мировую социальную философию и общественную мысль. (Тогда как российский либерализм, консерватизм, марксизм и другие течения мысли, по большей части, менее оригинальны и носят вторичный характер). Причины этого, вероятно, – в той огромной степени несвободы, государственного угнетения и подавления личности на протяжении тысячелетней российской истории, которые породили, в качестве ответной реакции, не только грандиозные народные восстания (подобные разинскому и пугачёвскому), движимые жаждой безграничной «воли» (полуанархической по своему духу и устремлениям была и Великая Российская Революция 1917-1921 годов), но и углублённую рефлексию тем свободы, самоуправления, антиэтатизма, – рефлексию, выразившуюся наиболее полно в учениях классического русского анархизма XIX века.

«Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире . . . Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты, – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа», – справедливо констатировал в начале XX века Николай Александрович Бердяев¹. Если российский анархизм и Революция были реакцией на государственный абсолютизм и произвол самодержавия, то, в свою очередь, реакцией на эту реакцию стал отечественный тоталитаризм XX века, приложивший все усилия к узурпации имени освободительной традиции в России и к её полному и окончательному искоренению. Отнюдь не только у философов, публицистов и народных бунтарей-правдоискателей, но и у многих российских поэтов и писателей XX века отчётливо присутствуют анархические идеи и настроения: начиная от Максимилиана Волошина и Михаила Осоргина (не скрывавших своих анархических убеждений) и кончая поэтом-диссидентом Юрием Галансковым с его знаменитым призывом: «Идите и ломайте гнилую тюрьму государства!»

При всей неоднозначности оценок анархического мировоззрения и социальной программы (анархизм априори враждебен любой государственной власти,

¹ Бердяев Н.А. «Судьба России» Москва, 1990, с.4.

и потому подвергается окарикатуриванию с её стороны, и пугает обывателя своим радикализмом), учения Бакунина, Кропоткина и Толстого (как и их имена) – пусть в урезанном и искажённом виде – так или иначе присутствуют в современной культуре и, в частности, в историко-философских исследованиях. (Хотя эти исследования зачастую носят неполный и тенденциозный характер).

Однако возникает законный вопрос: неужели на Кропоткине развитие анархической мысли в России завершается? Неужели ни две мировые войны, ни две революции в России, ни большевистский тоталитаризм, ни становление технократически-потребительского общества не породили в российской культуре попыток анархической философской рефлексии? Неужели массовые народные движения 1918-1921 годов, выступавшие за изначальные идеалы революции против белого и красного авторитаризма, движения, выдвинувшие лозунг «Третьей Революции», символом которых стали Махновское повстанчество на Украине и восставший в марте 1921 года Кронштадт, вписавшие яркую страницу в мировую историю, не получили отражения в философской мысли анархистов? Неужели порождённые Великой Российской революцией 1917-1921 годов порыв к самоорганизации, стремление к свободе (выразившиеся в тысячах социокультурных явлений – от множества коммун и движений за вольные беспартийные Советы, попыток тотального обновления и преобразования жизни – до гениального стихотворения Александра Блока «Скифы») не породили, в свою очередь, нового мироощущения и не выразились в философских построениях? Неужели тысячи анархистов, сотни анархических газет и журналов, многочисленные издательства, кружки, профсоюзы, кооперативы, повстанческие отряды, культурно-просветительские общества, создавшие свою «субкультуру», а затем достаточно многочисленное анархическое подполье в СССР 1920-ых годов (по данным чекистов, в анархическом движении в эти годы участвовали тысячи человек) и довольно многочисленная анархическая эмиграция во многих странах не выдвинули из своих рядов мыслителей, достойно продолжающих дело Бакунина, Толстого и Кропоткина?

Ответ на все эти вопросы вполне очевиден. Конечно, существовали и крупные анархические мыслители, и интересные философские построения, и утончённая рефлексия мировоззренческих вопросов. Недавно вышедший библиографический словарь-справочник «Анархизм в истории России. От истоков к современности» (СПб., 2007) насчитывает свыше 8,5 тысяч (!) наименований книг и статей, демонстрируя размах рассматриваемого явления, – и многие сотни приводимых в нём названий работ как раз относятся к постклассической российской анархической мысли.

Однако российский анархизм первой трети XX века: его теория, практика, философия, персоналии, опыт – почти совершенно не изучен и не известен не только широкой публике, но и специалистам по истории российской философии, общественной мысли, культуры. Лишь несколько учёных-историков коснулись этой темы. Историки же философии и вовсе не обращались к ис-

следованию российского постклассического анархизма, который остаётся для истории философии огромной terra incognita. Политические причины этого забвения более чем ясны: ни большевикам (в годы существования СССР), ни нынешним власть имущим (в последние два десятилетия) не нужно изучение анархической мысли, сохранение памяти о ней, включение её опыта в современный философский дискурс. И, если в прошлые годы всё внимание исследователей уделялось «марксизму-ленинизму», то в последние десятилетия интенсивно изучаются и освещаются консерватизм и либерализм, евразийство и различные течения религиозной мысли, но отнюдь не философия постклассического анархизма (или неонародничества, важной составной частью которого в России была анархическая мысль). Но понимание причин этой печальной ситуации никак не оправдывает само подобное положение дел. Без изучения истории и философии постклассического анархизма в России, его влияния на отечественную и мировую культуру и общественную мысль, мы, во-первых, не будем иметь сколько-нибудь полной и адекватной картины развития российской культуры, во-вторых, не сможем понять причин возрождения анархизма в современной России, и, в-третьих, лишим себя бесценного (хотя и не бесспорного) и актуального философского наследия.

Однако перейдём от общих рассуждений к беглому (из-за ограниченности объёма статьи и обширности и новизны темы) обозначению контуров философии российского постклассического анархизма, и к обзору того немногочисленного, что всё же сделано в её изучении за последние годы. Прежде всего, – что такое «*постклассический* анархизм», и в чём его сущностное отличие от анархизма «классического»²? Разумеется, это разделение до известной степени условно (как и всякая попытка классификации): между классическим и постклассическим анархизмом нет «китайской стены». И всё же понятие «постклассический анархизм» вполне оправдано и помогает осмыслить – чем анархическая философия в России и во всём мире начиная с 1910-х годов парадигмально отличается (в своих аксиологических основаниях, архитектонике, проблематике, целях и выводах) от предыдущего этапа анархической мысли – «классического» (условными границами которого можно считать две Великие Революции модерна – Французскую и Российскую).

Во-первых, «постклассический» анархизм в России означает: «*пост-кропоткинский*». Ибо поистине классическая, в своём размахе и замысле, попытка П.А.Кропоткина создать систему «научного анархического коммунизма» на просветительско-позитивистском фундаменте, пользовалась колоссальным авторитетом в начале XX века и вобрала в себя многие отличительные черты мировоззрения модерна (сциентизм, рационализм, прогрессизм), факти-

² Подробному рассмотрению и анализу философии классического анархизма посвящена монография автора этих строк: Рябов П.В. «Философия классического анархизма (проблема личности)» Москва, 2007.

чески, репрезентируя анархизм как таковой. Плеяда блестящих российских мыслителей-анархистов начала XX века так или иначе отталкивалась от авторитетнейшего учения Кропоткина, по-новому взглянув на проблемы науки, прогресса, общества, государства, личности, разума, свободы, революции. Эти философы, подвергнув пересмотру глубинные предпосылки анархического мировоззрения, задумались о том: возможен ли вообще «научный анархизм»? анархизм как система? конечный идеал анархизма? Гарантирован ли прогресс и не несёт ли в себе зародыш власти внутренняя несвобода народных масс? (Подобные вопросы для классического анархизма были бы невозможны). Эти мыслители стремились модернизировать философию и социальное учение анархизма, вернуться ко многим полузабытым (но внезапно ставшим актуальными) мыслям М.А.Бакунина, вобрать в свои размышления опыт учений Макса Штирнера, Фёдора Достоевского, неокантианства и «философии жизни» (особенно Фридриха Ницше и Анри Бергсона): антисциентизм, апологию творчества и спонтанности, новый религиозный опыт, обострённое переживание чувства вселенского катастрофизма, неразумности бытия и негарантированности прогресса.

Во-вторых, классический анархизм XIX века – это анархизм эпохи апогея модерна. После 1914 года, открывшего XX век, всеобъемлющий тотальный кризис оснований цивилизации модерна, саморазрушение прогрессизма, сциентизма и гуманизма становятся очевидными. И постклассический анархизм пытается как отразить новую, катастрофическую экзистенциальную и историческую ситуацию (мировые войны, грандиозные революции, становление тоталитарных режимов, геноцид, появление миллионного анархо-синдикалистского движения, апогей индустриальной цивилизации, нарастающие технократизм и дегуманизацию, разрушение природной среды, беспомощность и отчаяние личности), так и сформулировать новые смыслы, ценности, парадигмы, помогающие выработать либертарный Ответ на Вызов эпохи конца Нового Времени. Однако подъём российской анархической мысли в 1910-1930-ые годы был искусственно прерван на взлёте – эта традиция и её носители были физически уничтожены тоталитарным режимом или выброшены в эмиграцию, так и оставшись чем-то переходным, незавершённым, недоговорённым. Вопросы были едва обозначены, мысли недодуманы, противоречия недоизжиты. Время зрелого обобщающего синтеза для постклассического анархизма тогда так и не наступило. . . .

Итак, хронологические рамки философии постклассического российского анархизма охватывают примерно 40 лет: от возрождения анархизма в России в самом начале XX века до его насильственной гибели (крупнейшие российские мыслители-анархисты ушли из жизни в 1930-1940-ые годы). После этого традиция анархизма как общественного движения и духовного явления в СССР была прервана на 50 лет – вплоть до его возрождения в конце 1980-ых годов. Содержательно же философия постклассического анархизма означает анар-

хическую философию после Кропоткина, после начала тотального кризиса цивилизации модерна, отзывающуюся на катастрофические социальные и духовные процессы современного мира, и пытающуюся, оттолкнувшись от кропоткинианства, выработать новые ответы на эти страшные вызовы эпохи.

Поскольку философствование всегда персонифицировано, являясь актом личных усилий конкретного человека, а анархическая мысль никогда не отличалась монолитностью и единством, необходимо обозначить имена философов (а не просто пропагандистов и публицистов, которых в анархическом движении были десятки), представляющих постклассический российский анархизм первой трети XX века. Бесспорно, центральное место в этом ряду занимает Алексей Алексеевич Боровой (1875-1935), приват-доцент (потом профессор) Московского Университета, энциклопедический мыслитель, талантливый оратор, философ, юрист, социолог, историк, экономист, литературовед, автор двух десятков книг и сотен статей, одна из ключевых фигур российской культуры «Серебряного века». Последователь Анри Бергсона, пропагандист идей революционного синдикализма и оригинальный интерпретатор творчества Бакунина, самобытный мыслитель-романтик, Алексей Боровой по праву может быть назван одним из творцов философии анархизма, наряду с Бакуниным, Кропоткиным и Толстым. Для него анархизм есть «философия пробудившейся личности», «романтическое учение с реалистической тактикой», наследник лучшего, что было в либерализме и социализме. В центре философии Борового: проблемы соотношения личности и общества, власти и свободы, творчества и отчуждения, бунтарства и мещанства, философии и науки, рационализма и интуитивизма, критика бюрократизма и представительной демократии, полемика с марксизмом и либерализмом. Предприняв критику кропоткинского анархизма и «богемного» анархо-индивидуализма, Боровой попытался обновить либертарную мысль с учётом новых идей и реалий XX века, отбросив сциентизм, социологизаторство, прогрессизм и другие аксиомы классического анархизма.

Наряду с Боровым к числу крупных мыслителей постклассического русского анархизма относятся Яков Новомирский, Иуда Гроссман-Рощин, Аполлон Карелин, Варлаам Черкезов, Владимир Поссе, Александр Атабекян, Абба Гордин, Лев Чёрный, Всеволод Волин, Григорий Максимов, Пётр Аршинов, плеяда представителей мистического анархизма (попытавшегося соединить революционность анархического учения с духовным потенциалом гностического эзотеризма): от Георгия Чулкова до Василия Налимова, толстовцы и последователи Яна Вацлава Махайского. Названные имена и течения (а этот круг можно существенно расширить) обозначают целый идейно-мировоззренческий универсум, набор интереснейших философских и социальных построений и концепций, порой взаимно противоречивых. Проблемы самоорганизации социума, смысла истории, свободы, границ научного познания и экспансии сциентизма, власти, природы человека, функционирования об-

ществленных движений, массовой культуры – вот лишь некоторые вопросы, значимость которых несомненна и которые находились в центре их внимания. (Известно, какое существенное влияние философия анархизма на Западе в XX веке оказала на такие философские и художественные течения, как экзистенциализм, Франкфуртская школа, постструктурализм, синергетика, сюрреализм, ситуационизм и др.). Поэтому, хотя названные мыслители были в той или иной степени связаны с практическим анархическим движением России и мира, вполне правомерно говорить о них в совокупности, именно как о философском явлении, а не просто как об «идеологах» некоего движения. А потому изучать их должны не только историки (в качестве явления общественной мысли), но и философы. Должны, но почти не изучают.

Из предшествующего изложения стали ясны как контуры, персоналии, специфика постклассического анархизма, так и насущная необходимость его историко-философских исследований. Однако, обращаясь к современной историко-философской литературе, мы видим в этом отношении довольно безотрадную картину. Если в изучении философии классического анархизма М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина за последнюю четверть века кое-что всё-таки сделано³, то исследованиями постклассического российского анархизма занимались совсем немного и немногие – почти исключительно историки, а не философы.

Всё же кратко перечислю то, что уже наработано и исследовано в отношении философии российского постклассического анархизма. Из зарубежных исследователей необходимо назвать американского историка анархизма Пола Эврича (недавно в России была издана его книга: Эврич П. Русские анархисты. Москва, 2006, – которая носит обзорный и беглый характер, давая лишь самое поверхностное представление о теме), живущего во Франции историка-анархиста Александра Скирду (в Париже изданы на русском языке его многочисленные работы по истории Махновского повстанческого движения; кроме того, к рассматриваемой теме относится его книга о Махайском: Скирда

³ Вышли четыре сборника основных сочинений Бакунина и около десятка изданий основных сочинений Кропоткина. Под эгидой Комиссии по творческому наследию П.А.Кропоткина при Российской Академии Наук вышли в общей сложности семь томов материалов, посвящённых П.А.Кропоткину (в том числе, материалы двух юбилейных Международных конференций 1992 и 2002 годов) и три тома материалов, посвящённых М.А.Бакунину. А в селе Прямухино под Торжком, на родине М.А.Бакунина, начиная с 2001 года силами бакуниноведов, анархистов и исследователей анархизма ежегодно организуются Прямухинские чтения, по итогам которых выходят сборники материалов. Наконец, за 1985-2008 годы вышли фундаментальные работы, посвящённые личностям, биографиям и учениям М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина, принадлежащие Н.М.Пирумовой, В.Ф.Пустарнакову, С.Ф.Ударцеву, В.Н.Дёмину, В.А.Маркину, П.В.Рябову, А.В.Шубину. В частности: Пирумова Н.М. «Социальная доктрина М.А.Бакунина» Москва, 1990; Ударцев С.Ф. «Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность» Алматы, 1994; Дёмин В.Н. «Бакунин» Москва, 2006; Маркин В.А. «Неизвестный Кропоткин» Москва, 2002; Рябов П.В. «Философия классического анархизма (проблема личности)» Москва, 2007; Шубин А.В. «Социализм. «Золотой век» теории» Москва, 2007.

А. Социализм интеллектуалов. Ян Вацлав Махайский. Разоблачитель социализма, марксизма и самого Маркса. Париж, 2003), израильского историка-анархиста Моше Гончарока, изучающего историю еврейского анархизма и опубликовавшего на русском ряд книг (в частности: Гончарок М. Пепел наших костров. Очерки истории еврейского анархического движения (идиш-анархизма). Иерусалим, 2002). Наконец, в недавно опубликованной в России книге француженки Фрэнсис Нэтеркотт о влиянии философии Бергсона на российскую мысль, определённое место уделяется российским анархистам А.А.Боровому и И.С.Книжнику-Ветрову (см. Нэтеркотт Ф. Философская встреча. Бергсон в России (1907-1917). Москва, 2008).

Что касается современных переизданий трудов теоретиков российского постклассического анархизма, то можно отметить следующие издания: Боровой А.А. Анархизм. Москва, 2007; Волин В.М. Неизвестная революция. 1917-1921. Москва, 2005; Боровой А.А. Бакунин. Москва, 1994; Боровой А.А. Власть. // Анархия и Власть. Сборник. Москва, 1992; Анархизм. Сборник. Москва, 1999 (переиздание сборника анархических статей 1906 года); Эльцбахер П. Сущность анархизма. Минск, Москва, 2001 (этот классический труд начала XX века содержит неплохую подборку текстов теоретиков анархизма). Были изданы многочисленные источники по Махновскому движению и по мистическому анархизму. Также вышел сборник: Анархисты. Документы и материалы. Т.1,2. Москва, 1998-1999, содержащий немало свидетельств и документов о российских анархистах первой трети XX века. Были изданы многочисленные воспоминания участников и теоретиков Махновского повстанческого движения (самого Н.И.Махно, П.А.Аршинова и других). И всё же эти перепубликации (как и труды названных зарубежных авторов), во-первых, носят отрывочный, разрозненный характер, не давая систематического и сколько-нибудь полного представления о российской анархической мысли первой трети XX века и, во-вторых, явно более тяготеют к освещению истории анархического движения (и его деятелей), чем к освещению философии анархизма. И это неслучайно – ведь немногочисленные исследователи этих сюжетов и публикаторы этих текстов в подавляющем большинстве являются историками, затрагивающими философские проблемы лишь вскользь, попутно и «по касательной».

Обратимся теперь к соответствующим исследованиям. Они носят, как правило, локальный, фрагментарный, предварительный характер и посвящены отдельным персоналиям, событиям, организациям, лишь в редких случаях выходя на уровень обобщений. А.Л.Никитиным были изданы несколько монографий, статей и сборников по истории российского мистического анархизма⁴. А.В.Шубин выпустил обширные исследования по истории мысли российской

⁴ См., в частности: Никитин А.Л. «Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. Исследования и материалы» Москва, 2000; Никитин А.Л. «Заключительный этап развития анархистской мысли в России» // Вопросы философии. 1991, № 8 и др.

анархической эмиграции 1920-1930-ых годов, о махновском социальном эксперименте и о месте анархизма в социалистической мысли⁵. В.В.Дамье издал огромный и уникальный по основательности и богатству содержания труд по истории мирового анархо-синдикализма⁶, материалы которого могут помочь лучше понять и соответствующие искания российского анархизма и его место в мировых процессах. А.А.Штырбул опубликовал ряд исследований по истории сибирского анархизма⁷. Немало работ по различным проблемам истории российского анархизма были опубликованы петербургскими историками В.Д.Ермаковым, А.Н.Гарявиным и П.И.Талеровым. Среди этих работ нужно выделить монографию: Ермаков В.Д. Анархистское движение в России: история и современность. Санкт-Петербург, 1997. Большой их заслугой стала и подготовка упоминавшегося монументального библиографического словаря-справочника по истории анархизма в России. Изучением философии российского анархо-индивидуализма занимается И.В.Аладышкин. Историком В.В.Кривеньким (издателем двух томов материалов по истории российского анархического движения в XX веке), также были написаны несколько десятков небольших биографических статей о деятелях (включая теоретиков) этого движения⁸. Философом В.М.Артёмовым и историком права С.Ф.Ударцевым с объективистских, не «априорно-разоблачительных» позиций, были кратко рассмотрены идеи (преимущественно, политико-правовые и педагогические) российского анархизма, в том числе, и постклассического⁹. В.П.Сапон в своей монографии кратко обозрел идеи российского постклассического анархизма в контексте отечественной либертарной традиции (которую он, по моему мнению, толкует чересчур широко и формально)¹⁰. Историк Д.И.Рублёв в ряде статей рассмотрел идеи российских анархо-синдикалистов начала XX века и подробно исследовал проблему: «интеллигенция в анархической рефлексии России начала XX века». В сборниках, выпущенных Комиссией по творческому

⁵ См., например: Шубин А.В. «Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917-1939 гг» Москва, 1998; Шубин А.В. «Проблема «переходного периода» в идеологии российской эмигрантской анархистской мысли 20-30-х годов» // Анархия и Власть. Сборник. Москва, 1992; Шубин А.В. «Проблема социальной революции в идеологии российской анархистской эмиграции 20-30-х гг» (автореферат диссертации кандидата исторических наук). Москва, 1990.

⁶ Дамье В.В. «Забытый Интернационал. Международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами» Тома 1,2. Москва, 2006, 2007.

⁷ Главное из этих исследований: Штырбул А.А. «Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX века. Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика» В 2 частях. Омск, Ч.1,2, 1996.

⁸ Эти статьи опубликованы в книге: «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия» Москва, 1996.

⁹ Артёмов В.М. «Свобода и нравственность» Москва, 2007; Ударцев С.Ф. «Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность» Алматы, 1994.

¹⁰ Сапон В.П. «Философия пробудившегося человека. Либертаризм в российской леворадикальной идеологии (1840-е – 1917)» Нижний Новгород, 2005.

наследию П.А.Кропоткина при РАН, и в материалах «Прямухинских чтений» был опубликован ряд статей по истории и философии постклассического российского анархизма (в том числе, несколько статей автора этих строк).

Наконец, в периодических изданиях современных российских анархистов время от времени публикуются статьи о философии российского анархизма первой трети XX века. Особенный интерес у либертарных социалистов СНГ вызывают идеи Алексея Алексеевича Борового. В московском журнале «Община» и донецкой газете «Анархия» были опубликованы обширные статьи о нём, а в начале 1990-ых годов несколько российских анархистов даже создали Группу имени Алексея Борового, для изучения, пропаганды и развития его творческого наследия. За 15 лет эта Группа провела две научных конференции (в 1995 и 2000 годах) и издала две брошюры, посвящённые Боровому¹¹. Такие современные анархические теоретики, как М.А.Цовма, А.В.Шубин, Д.И.Рублёв, В.В.Дамье, М.Н.Магид обращаются в своих произведениях к отдельным персоналиям и философским идеям своих российских предшественников вековой давности¹².

Этот беглый обзор имён, проблем и публикаций, разумеется, далеко не полон, но он вполне характеризует как достижения, так и недостатки современных исследований философии российского постклассического анархизма первой трети XX века. Перепубликация некоторых работ теоретиков российского анархизма (в то время как многие важнейшие труды того же Борового до сих пор ждут в архивах своего издания), биографические статьи и заметки о них, исторические исследования о различных аспектах анархического движения или отдельных идейных течениях (о мистическом анархизме, толстовстве или махаевщине) постепенно создают основу для обобщающих и фундаментальных историко-философских исследований российского постклассического анархизма, заново открывающих его идейное богатство и вписывающих его в современный философский контекст. Полагаю, что материалы данной статьи убедительно свидетельствуют о насущной необходимости подобных исследований, вводящих мысль анархических философов – продолжателей М.А.Бакунина и П.А.Кропоткина – в поле зрения современной науки. Не просто переоткрытие, но концептуальное осмысление, анализ, конструктивная критика этих забытых идей и философских построений, несомненно, не только обогатит наше представление об отечественной и мировой культуре, но и даст пищу для размышлений по поводу современных (и вечных) проблем. Ведь до тех пор, пока в обществе существует отчуждение, бюрократизм, порабощение,

¹¹ См.: Боровой А.А. «Бакунин» Москва, 1994; «Венок Алексею Боровому» Москва, 2001. См. также статью: Олейников Д.И. «Анархо-гуманизм Алексея Борового» // Община, 1990, № 47.

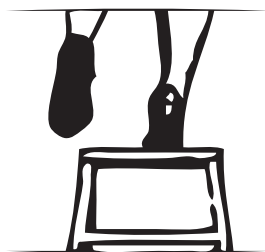
¹² Цовма М.А. «Алексей Боровой и Пётр Кропоткин» // Труды Международной научной конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П.А.Кропоткина. Выпуск 3. Москва, 2001; Рублёв Д.И. «Проблема «интеллигенция и революция» в анархической публицистике начала XX века» // Отечественная история. Москва, 2006, № 3 ; и др.

манипуляция, а в человеке живёт стремление к свободе и самоуправлению, поиски и находки анархических мыслителей останутся актуальными и поучительными.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

2 июня 2012

Петр Рябов

Философия постклассического российского анархизма — terra incognita

К постановке проблемы

2009

Сохранено 1 июня 2012 года из bakunista.nadir.org